

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
О-44

Cassandra O'Donnell
Le collège maléfique, volume 1 – Le marche-rêves
© Flammarion 2020, All rights reserved
© Jean-Mathias Xavier
pour les illustrations intérieures, 2020

Перевод с французского *Ольги Долгачевой*

Иллюстрации на обложке *Анастасии Пидановой*

Кассандра, О'Доннелл.

О-44 **Портал из кошмара** / Кассандра О'Доннелл ; [перевод с французского О. А. Долгачевой]. — Москва : Эксмо, 2027. — 272 с. : ил. — (Заклинательница сновидений).

ISBN 978-5-04-186246-6

В течение тринадцати лет Эмме Дримейкер удавалось скрывать свою способность проникать в чужие сны, ускользая от бдительности Министерства по делам необычных детей. До того дня, когда её отправили в загадочную школу, стены которой хранят множество секретов. Почему некоторых учеников держат отдельно? Кто тот загадочный мальчик, что приходит к Эмме во снах и зовёт на помощь? И почему таинственный колдун Хелл пытается ей помочь? Постепенно Эмма попадает в тёмный и незнакомый мир, населённый монстрами и демонами. Мир, в котором ей придётся сражаться, если она хочет выжить. Потому что иногда самый страшный кошмар случается наяву.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-186246-6

© Долгачева О. А., перевод на русский язык, 2026
© Пиданова А. П., иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Глава 1

Письмо

Письмо пришло рано утром. Папа перечитывал его без остановки. Он поднял на меня покрасневшие глаза, полные отчаяния, и спросил:

— Но откуда они узнали? Откуда они могли узнать?!

Не стоило даже утруждаться поиском ответа, ведь папа и так его знал: ИМ всегда всё известно. У НИХ повсюду глаза и уши.

— Не волнуйся, всё будет хорошо, — сказала я, чтобы его успокоить.

— Конечно, будет, беспокоиться не о чем.

Папа старался не показывать своё волнение, но меня не провести. Я знала, что это письмо разом всё изменило и отныне ничто не будет как прежде.

Неизвестно, как сотрудники Министерства по делам необычных детей разузнали о моём существовании и о том, кто я на самом деле, но бежать было уже поздно. Да и, скорее всего, бесполезно: необычным детям не скрыться от инспекторов министерства. Нас бы неотступно преследовали днём и ночью, пока не отыскали.

— Но это не так уж и плохо, — добавил папа с натянутой улыбкой. — Зато тебе больше не придётся прятаться или притворяться такой же, как другие девочки.

Мне хотелось выкрикнуть, что я не притворюсь, я такая же, как все! Но я закусила губу. Что ж, я и правда порой могу творить нечто странное. Но все девочки моего возраста отличаются странностями — вы только послушайте, о чём они болтают между собой!

— И ещё у тебя появятся новые друзья, похожие на тебя. Ребята с необычными способностями! — продолжил папа.

Он что-то говорил и говорил, но я уже не слышала, я погрузилась в свои мысли. Мой взгляд застыл на маминой фотографии над старым камином. Красивое овальное лицо, миндалевидные глаза и тонкий прямой нос. Мама улыбалась. Я попыталась вспомнить, как зву-

чал её голос, но не смогла. Её не было в живых уже так давно...

— Эмма? Ты меня слушаешь?

— Да, папа.

Он глубоко вздохнул, встал, обошёл деревянный кухонный столик и крепко меня обнял.

— В письме говорится, что школа, куда тебе придётся отправиться, — очень красивое место: там есть большой парк, лес и даже животные!

Я кивнула. Папа пытался скрыть свою печаль, но меня не провести: его явно тревожила мысль, что я уеду из дома. Лишь на секунду в голове возник образ, как он вечером ужинает в одиночестве, и к горлу подкатил комок, а на глаза навернулись слёзы.

— Знаешь что? У тебя ведь скоро день рождения. Кажется, через неделю?

Я молча кивнула. Папа никогда не забывал даты. Он всё забывал, витая в облаках.

— Прекрасно! Значит, закатим большую вечеринку! Сколько лет тебе исполняется?

— Тринадцать, пап.

Тринадцать лет. Начинается подростковый возраст, и скоро вся моя жизнь разлетится на миллион осколков. Мне хотелось кричать.

— Уже?

Он взглянул на меня, и в его глазах промелькнула печаль.

— Ты безумно на неё похожа!

Не нужно было спрашивать, о ком он говорит: я знала, что речь идёт о маме. У меня и правда были её черты лица. Но кожа не смуглая, как у неё, а белая, глаза не карие, а голубые; и мои длинные волосы были темнее.

— Слушай, мне пора на работу, на сегодня назначено несколько операций. Но когда я вернусь, мы вместе всё организуем, — сказал он.

Я кивнула. Пусть лучше папа лечит больных животных в клинике, чем останется дома со мной и погрузится в свои мысли. К тому же, ушёл бы он или остался, ситуацию это изменить не могло. Жребий брошен, и мы не в силах предотвратить грядущие события.

— Хорошо.

— Ты справишься тут одна?

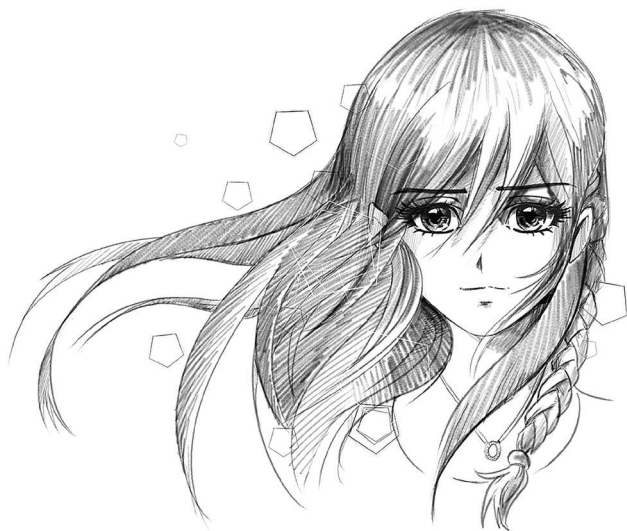
Я постаралась не закатывать глаза. Он задавал мне этот вопрос уже тысячу раз, и каждый раз я просила его не волноваться. В любом случае, чего мне ещё бояться? Худшее уже произошло: Министерство по делам необычных детей в конце концов раскрыло мою тайну и вскоре явится за мной.

— Да, не волнуйся.

— Закрой за мной дверь. Ладно?

— Хорошо.

Я наблюдала, как папа собирается на работу. Он надел джинсы, старую футболку и куртку и вопреки своей привычке даже не побрился. Улица была безлюдна. Половина зданий и домов днём пустовала, а их окна всегда накрепко запечатывали ставни от грабителей. Папа сел в нашу старенькую машину и уехал, старательно объезжая ямы в асфальте, чтобы не повредить шины. В этом месте дорогу давно не ремонтировали. Я некоторое время провожала машину взглядом, уговаривая себя: «Не реви, дуручка, не реви...» Но в конце концов не выдержала и разрыдалась, рухнув на пороге.

— Эмма, можешь мне помочь?

Я взглянула на Искорку, маленькую раненую кошечку, которую держала на руках. Она спала крепко и даже не шелохнулась, когда я осторожно переложила её обратно в клетку и вернулась к отцу.

— Да, конечно.

Я осторожно подошла к большой овчарке, которая скулила, лёжа на смотровом столе. Беднягу накануне вечером сбила машина. Папа оказал ей первую помощь и сегодня утром снова её прооперировал. Теперь она ворочалась во сне.

— Сейчас я не могу повторно вводить ей обезболивающее, — сказал папа, отерев руку о халат. — Не могла бы ты?..

Папа не закончил фразу, но в этом не было нужды. Слегка наклонившись над собакой, я положила руку ей на голову. Она издала тихий стон от боли, и мне захотелось её обнять. Затем я почувствовала, как её мышцы постепенно расслабились, а моя сила медленно распространялась внутри неё.

— Спасибо, дорогая, — сказал папа.

Собака мирно спала. Я улыбнулась. Большую часть времени мои силы тяготили меня, но не в моменты, когда я была в клинике. Здесь я дей-

ствительно ощущала, что они приносят пользу. Я дарила животным облегчение, и этого было достаточно, чтобы на душе становилось теплее.

— Знаешь, мне будет очень этого не хватать. Мне нравится помогать им и тебе.

— Знаю. Но ничто не мешает тебе приезжать во время каникул.

Каникулы? Я почувствовала, как у меня ком подкатил к горлу. Через несколько дней после первого письма пришло уведомление, где говорилось, что 1 сентября в 8 утра за мной должна прибыть машина. Иными словами, оставалось два дня... И хотя папа пытался связаться с людьми из министерства, чтобы расспросить о предметах и о работе школы, никто не пожелал ему отвечать, аргументируя это тем, что им запрещено предоставлять сведения об учреждениях для необычных детей в целях безопасности. По правде говоря, я не совсем понимала, что к чему, но одно было ясно — меня планируют увезти неизвестно куда, и я не знала, когда я вернусь домой и *вернусь ли* вообще.

— Это точно. В любом случае они не смогут держать меня вечно, так ведь?

— Нет, конечно, нет. Я этого не допущу.

Его решительный тон и странный блеск в глазах обеспокоили меня. Мне было совсем

не нужно, чтобы он подвергал себя опасности! Нам было мало известно о том, что происходит с необычными детьми вроде меня, зато мы хорошо знали о судьбе неподчинившихся приказам министерства. И я не хотела, чтобы папу арестовали или посадили в тюрьму.

— Скоро ли Искорка сможет вернуться домой? — спросила я, намеренно меняя тему.

Лицо моего отца просветлело.

— Да, она практически выздоровела. Хозяева должны забрать её завтра.

Улыбаясь, я бросила взгляд на клетку, где спала Искорка. Маленькое создание, полное нежности, погрузилось в мечты о прекрасном. Ей снились тепло камина, ласковые объятия детей и домашняя золотая рыбка, насмехавшаяся над ней из своего аквариума.

— Искорка будет счастлива, — умилённо ответила я. — Ей кажется, что время тянется очень долго. Она скучает по своей семье.

Отец кивнул и взъерошил мои волосы.

— Это, дорогая, одна из тех вещей, которые можешь знать только ты. Счастливица. Вот что значит иметь способности!

Счастливица? Нет, я вовсе не думала, что мне повезло. И готова была всё отдать, чтобы не обладать «способностями», как он выразился.

— Ладно, я верну своего нового пациента в клетку и отвезу тебя в ресторан.

Папа почти никогда не водил меня в рестораны, потому что любил готовить. Но он, как я догадывалась, хотел меня порадовать и по максимуму использовать минуты, которые мы ещё могли провести вместе. Поэтому я широко улыбнулась в ответ и притворно весёлым голосом сказала:

— Ты лучший отец в мире!

Он тихонько подмигнул мне.

Глава 2

Разлука

Ночью я не сомкнула глаз. В шесть утра, не в силах больше терпеть, я встала и тихо спустилась по лестнице. Услышав стук ложки по тарелке, я слегка улыбнулась. Папа уже проснулся.

— Привет, пап, — бросила я, войдя на кухню.

— Хорошо поспала? — спросил он, улыбаясь, а затем поднялся из-за стола и подошёл к плите.

— Отлично.

Папа окинул меня своим пронзительным взглядом. Он знал, что это ложь, но предпочёл ничего не говорить и вести себя так, как будто ничего не произошло.

— Я приготовил тебе сюрприз, — сказал он, выливая немного теста на сковороду.

— Ой! Блинчики?

Отец улыбнулся.

— Я знал, что тебе понравится.

— О да, спасибо!

Вскоре по кухне распространился сладкий запах. Папа положил мне на тарелку блин, а затем протянул банку варенья.

— Приятного аппетита!

Мне кусок в горло не лез, но не разочаровывать же его: я тут же проглотила первый кусочек. Папа наблюдал за мной так, словно пытался сохранить в памяти каждый мой жест и взгляд. Возможно, это наш последний совместный завтрак... Меня захлестнула волна горечи.

— Папа...

Он повернулся ко мне.

— Да?

Я хотела сказать, что люблю его больше всех, что он для меня самый важный человек на свете, и многое другое. Но слова безнадёжно застряли в горле.

— Нет. Ничего.

Несколько секунд он молча смотрел на меня, а затем спросил с наигранной лёгкостью:

— Готова к приключениям?

Нет. Нет, я не была готова, и, чувствуя, как меня захлёстывают эмоции, вскочила и, что-

бы не разрыдаться тут, поспешно направилась в ванную со словами:

— Пойду-ка приму душ!

— Пфф... нет, ты серьёзно? — проворчала я, морщась.

— В этом платье ты похожа на принцессу, — ответил отец с одобрительной улыбкой.

Я закатила глаза.

— Принцессу? Да я выгляжу совершенно нелепо!

— Вовсе нет! По-моему, ты очень красивая в этом наряде.

И какая муха его укусила? Это пышное синее атласное платье он купил мне на свадьбу кухни прошлым летом. Как по мне, джинсы и любимая толстовка были бы уместнее, но папа так улыбался, что мне не хватило духу перечить.

— Ну, если ты так считаешь...

— Давай сделаем фото, — сказал он, хватая телефон.

Фото, которое я, скорее всего, так и не увижу. В письме министерства было чётко указано, что в Школе для необычных детей запрещены телефоны и компьютеры.

— Хорошо, давай...

Ровно в восемь утра в дверь постучали. Папа посмотрел на меня, будто размышляя, что делать. Я кивнула. Он открыл и тут же отошёл в сторону, чтобы впустить суровую женщину средних лет и дородного мужчину в чёрном костюме.

— Да?

— Эмма готова?

Никаких «здравствуйте, господин» или подходящих ситуации вежливых фраз. Но это меня не удивило. Сотрудники Министерства по делам необычных детей слыли холодными, загадочными и часто пугающими людьми.

— Пора идти, дорогая, — объявил папа, подходя ко мне, чтобы обнять.

— Я люблю тебя, папа. Я тебя люблю...

— Я тоже, Эмма, — прошептал он, с трудом сдерживая слёзы.

Я мягко разжала папины объятия.

— Береги себя! — сказала я, стараясь не обращать внимания на слезу, которая катилась по его щеке.

Отец вытер её тыльной стороной ладони и кивнул.

— Ты находчивая девчонка и более зрелая, чем твои ровесницы. Уверен, ты справишься.